

18. *Makei, V. V.* Liberal International Order: Can It Be Saved in Today's Non-Hegemonic World? / V. V. Makei // *Russia in Global Affairs*. – 2023. – No. 21(1). – P. 114–130.

19. Поправка к проекту резолюции Генеральной Ассамблеи ООН A/ES-11/L.7 (A/ES-11/L.8) [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: <https://undocs.org/A/ES-11/L.8>. – Дата доступа: 25.02.2023.

20. Поправка к проекту резолюции Генеральной Ассамблеи ООН A/ES-11/L.7 (A/ES-11/L.9) [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: <https://undocs.org/A/ES-11/L.9>. – Дата доступа: 25.02.2023.

21. Hours Before Ukraine Conflict Enters Second Year, General Assembly Adopts Resolution Demanding Russian Federation Withdraw Military Forces, Adjourning Emergency Session [Electronic Resource] // *United Nations: Meetings Coverage and Press Releases*. – Mode of access: <https://press.un.org/en/2023/ga12492.doc.htm>. – Date of access: 25.02.2023.

(Дата подачи: 27.02.2023)

П. А. Баракхвостов

Белорусский государственный экономический университет, Минск

P. Barakhvostov

Belarusian State University, Minsk

УДК 1:304.5

ВЫБОР ПУТИ РАЗВИТИЯ ПРИ РЕГЕНЕРАЦИИ СОЦИУМА (НА ПРИМЕРЕ ВТОРОЙ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ)

THE CHOICE OF DEVELOPMENT PATH UPON REGENERATION OF SOCIETY (THE CASE OF THE SECOND POLISH REPUBLIC)

На примере Второй Речи Посполитой показано, что выбор пути развития нового социума, образовавшегося в результате коллапса и распада социальной системы, определяется как экзогенными факторами (началом регенерации при незавершенности переформатирования геополитического пространства и, как следствие, сегментированностью и конфликтностью региона распада), так и эндогенными (слиянием в единое социумов с различным уровнем и характером трансформации институциональных матриц в предшествующие исторические периоды). На первых стадиях после распада социума имеют место сильные дивергентные тенденции его осколков, когда силы национализма и самоопределения оказываются сильнее соображений безопасности.

Ключевые слова: институты; институциональная матрица; интеграция; федерализм; Речь Посполитая.

The case of the Second Polish Republic is herein used to demonstrate that the choice of development path for a new society that has emerged as a result of social system collapsing and disintegrating is defined by both exogenous (the outset of regeneration against the background of the unfinished reformatting of the geopolitical space and, as a consequence, the segmentation and proneness to conflict of the disintegrating region) and endogenous (the convergence of societies with different levels and characters of the transformation of institutional matrices in the

preceding historical periods) At the first stages after the disintegration of a society, considerable divergent tendencies are detected among its debris when the forces of nationalism and self-determination prove to be more influential than security.

Keywords: institutions; institutional matrix; integration; federalism; Second Polish Republic.

Возрастающая турбулентность современного мира, наличие разделенных народов, несостоявшихся государств, перестройка геополитического пространства актуализировали проблему исследования социального коллапса. Как правило, авторами анализируются его причины, стадии возникновения и развития, формы проявления [1–5]. Значительно меньше внимания уделяется изучению постколлапсных процессов, в частности, формированию нового социума из части распавшегося. Какие факторы определяют направленность экономических, политических, социокультурных трансформаций, осуществляемых при этом? История человеческого общества предоставляет богатый экспериментальный материал для подобных исследований. Представляет интерес Вторая Речь Посполитая – государство, возникшее на обломках европейских империй, некогда разделивших его предшественницу – первую Речь Посполитую, объединявшую на федеративных началах Королевство Польское и Великое княжество Литовское. Данный кейс любопытен в связи с тем, что связан с попыткой регенерации одного из некогда крупнейших и сильнейших европейских государств. До настоящего времени его распад является фундаментом так называемого польского вопроса, который то и дело всплывает в среде западного политического истеблишмента: то в связи с попытками пересмотра событий 1939 г. как «оккупации польских территорий в результате советской агрессии» [6], то в связи с усилением антироссийской пропаганды по поводу 250-летия первого раздела Речи Посполитой. Целью настоящей работы является выявление факторов, оказавших влияние на выбор пути развития получившего независимость польского государства.

Методологической основой исследования является исторический неинституционализм, в соответствии с которым общество представляет собой целостное интегрированное образование равнозначных и взаимосвязанных подсистем (экономической, политической, социокультурной) [7], регулируемое сложной институциональной структурой, в которой можно выделить «остов» – образующие *институциональную матрицу* базовые институты, задающие направленность коллективных действий [8]. Причем институты следует понимать в широком смысле как устойчивые модели взаимодействий в социуме, определенные способы действий и суждений, существующих в обществе вне отдельно взятого индивидуума [9, с. 20]. В этом плане образование необходимо рассматривать как один из важнейших социокультурных институтов, который *определяется доминирующими экономическими и политическими общественными институтами.*

Институциональная матрица создает предпосылки для выбора того или иного пути развития. Тем не менее она не является застывшим конструктором: при интеграции социумов общества приобретают «свойства текучести и проницаемости» [10], что сопровождается усилением взаимопроникновения институтов между интегрирующимися социальными системами и, как следствие, трансформацией их институциональных матриц, оказывающей влияние на последующую эволюцию интегрированного социума, а в случае его распада – на развитие образовавшихся из целого частей. Это имело место, в частности, в Речи Посполитой, объединившей в федерацию Королевство Польское и Великое княжество Литовское (ВКЛ).

Институциональная матрица Польши складывалась при сильном влиянии западноевропейского торгового капитала, германского метода управления городской жизнью, католицизма и общественных идеалов рыцарства. «В XIV в. Польша принадлежала уже, всеми стихиями своими, к семье западноевропейских народов» [11, с. 173] с характерной для них институциональной матрицей Y-типа, которой присуще доминирование рыночных институтов (отношения купли-продажи, частная собственность, наемный труд и прибыль как институт обратной связи, федеративные начала государственного устройства, примат прав и свобод личности [12]).

В то же время географические особенности Великого княжества Литовского обусловили необходимость осуществления коллективных хозяйственных работ в режиме «импульсной мобилизации», низкую продуктивность и высокие риски земледелия, следствием чего стало формирование на этих землях институтов редистрибутивного типа (централизованной системы управления и элементов коммунитарного мировоззрения) и, следовательно, институциональной матрицы X-типа [13]. Однако *плотность гидравлического общества* (термин введен К. Виттфогелем [14]) на этих землях была значительно ниже, чем на Востоке, вследствие не столь развитой бюрократической управленческой системы из-за импульсного характера коллективных работ и слабой связности различных территорий, определившей федеративный тип государственного устройства ВКЛ. Кроме того, после Кревской унии в ВКЛ наблюдалась медленная диффузия польских институтов, в частности, введение Магдебургского права, регулировавшего по европейскому образцу экономическую деятельность и общественно-политическую жизнь горожан. Таким образом, институциональная матрица ВКЛ содержала сильные компенсаторные институты рыночного типа. Некоторое подобие экономических, политических и социальных институтов послужило фундаментом, благодаря которому стало возможным образование федеративного государства – Речи Посполитой.

Отметим, что данная федерация не была абсолютно симметричной – «ядром» интеграции явилась более сильная в экономическом отношении и не ослабленная, как княжество, постоянными угрозами безопасности

Польша, запустившая после Люблинской унии масштабную трансплантацию польских институтов в ВКЛ. В Великом княжестве Литовском ускорились экономические преобразования *рыночного* типа: была фактически ликвидирована крестьянская община; осуществлялось преобразование панских хозяйств в фольварки, где зерно выращивалось не для собственных нужд, а на продажу; по образцу западных стран в среде крупных и средних землевладельцев появился майорат (недвижимое имущество стало переходить к старшему сыну и не могло быть поделено).

Формировались принципы федерального управления. В частности, ВКЛ сохранило свои законы (Статут 1588 г. являлся ключевым источником права на землях княжества вплоть до 1840-х гг.) и административно-территориальное деление. Судебная система ВКЛ также осталась преимущественно прежней. Высшим судебным органом Речи Посполитой стал единый Сеймовый Суд, однако в обеих частях федерации были созданы отдельные апелляционные инстанции – Коронный Трибунал для Польши и Литовский Трибунал для ВКЛ. Кроме того, после Люблинской унии практически не реформировалась система местного самоуправления (городского в виде магистратов и шляхетского в виде сеймиков). Вместе с тем появились новые политические институты: единый титул короля Речи Посполитой; выборность монарха (с 1572 г.) – правитель не мог принять решений без согласия двухпалатного Сейма (общегосударственного законодательного органа).

Из Польши в ВКЛ пришли элементы субсидиарной идеологии, в частности, идея примата свободы.

Однако быстрая трансплантация рыночных институтов на слабо подготовленную «почву» ВКЛ обусловила их мутацию. Переход к фольварочному типу хозяйства сопровождался «вторым изданием крепостничества», еще более закабалившим крестьянство. Введение майората обусловило появление ординаций, хозяева которых правили в своих владениях, как абсолютные монархи, на основе отношений редистрибуции, препятствуя Магдебургскому праву в принадлежавших их ординации городах. Свобода понималась как предоставление исключительных прав только одной социальной страте – шляхте.

Польша рассматривала Великое княжество Литовское как фронт, а Речь Посполитую – как инструмент, позволяющий осуществить свою «цивилизующую» миссию, – привлечь принявших православие и язычников, оставшихся на землях ВКЛ, в лоно католической церкви. Это, несмотря на принятый под давлением ВКЛ в 1573 г. документ о защите религиозной толерантности, обусловило ограничение прав не католического населения и усиление экспансии католицизма. Следствием такой политики стали: Брестская церковная уния 1596 г., исчезновение православных и протестантов среди состоятельного сословия, народные восстания XVII в. на Украине, где одним из лозунгов стала «свобода вероисповедания».

Как правило, переход в католическую веру у *имущего* сословия в ВКЛ и приобщение к шляхетским вольностям сопровождались отказом от родного языка. Подобная практика полонизации всемерно поддерживалась монархами и Сеймом, свидетелем чему является переход от изначально двуязычия в Речи Посполитой к установлению в 1697 г. единственного государственного языка – польского. Следует отметить, что низшие сословия (крестьяне и мещане) были затронуты полонизацией в значительно меньшей степени. Таким образом, к концу XVII в. границы имущественных страт практически совпали с конфессиональными и языковыми, что перенесло проблему экономического неравенства в плоскость неравенства религиозного и национального.

Неоправданно быстрая и асимметричная трансплантация институтов из одной части государства в другую и мутация трансплантированных институтов ослабили федерацию, а натиск католицизма и полонизация в социокультурной сфере привели к межконфессиональным и межнациональным конфликтам, что, в конечном итоге, ее разрушило.

В результате геополитического реформатирования пространства в конце XVIII в. Речь Посполитая распалась, и ее осколки вошли в Российскую и Австро-Венгерскую империи, а также Королевство Пруссия. Общественные системы – реципиенты были крайне непохожи, что обусловило различие в их интеграционных стратегиях.

Российский подход учитывал степень близости институтов присоединенных территорий. Восточные земли ВКЛ (территория современной Беларуси) признавались исконно русскими (и это тормозило появление и развитие белорусского национального движения); в отношении них была выбрана стратегия гомогенизации с внутренними областями империи, для чего была осуществлена (причем, достаточно успешно) одновременная трансплантация редистрибутивных экономических, политических и социокультурных институтов [12].

Другая стратегия была выбрана в отношении Царства Польского, появившегося на карте Российской империи после Венского конгресса 1814–1815 гг. в результате перераспределения территорий между странами-победительницами. Первоначально его автономия была достаточно широкой: оно имело свой бюджет, денежную единицу, казну, собственный законодательный орган (двухпалатный Сейм), высший правительственный орган (Государственный совет), органы исполнительной власти (Общее собрание, Совет управления (правительство)). Однако носителем верховной власти в исполнительной и судебной сферах являлся русский царь, разделявший с Сеймом законодательные полномочия, но единолично обладавший правом законодательной инициативы [15]. После подавления восстания 1830 г. интеграционная стратегия в отношении Царства Польского изменилась – началась ускоренная трансплантация российских институтов, в частности, замена принципа выборности на назначаемость императором, упразднение Сейма и учреждение

в российском Государственном совете Департамента по делам Царства Польского [15]. Сформировалась модель *крайне ограниченной, но все же автономии*, в рамках которой развивалось и набирало силу польское национальное движение. Его полная ликвидация была невозможна в силу сильных социокультурных институтов рыночного типа на этих землях, отличавшихся от таковых для России и доставшихся в наследство от Речи Посполитой.

Что касается территорий, отошедших к Австро-Венгерской империи, то вследствие невозможности выделения титульной нации, крайней неоднородности входивших в империю территорий и невозможности установления сильной централизованной власти Вена была вынуждена распространить на приобретенные земли принцип федерального управления, а специфика нового региона (обособленность, слабое экономическое и социальное развитие) обусловила выбор стратегии, ориентированной на его автономизацию: предоставление довольно широкой политической автономии, но из-за отсутствия попыток экономического выравнивания – превращение во внутреннюю колонию. Подобная стратегия явилась триггером развития украинского национального движения [12].

Третья часть бывшей Речи Посполитой, доставшаяся Королевству Пруссия, была очень маленькой (в середине XIX в. численность населения на этих землях была почти в 4 раза меньше, чем в Царстве Польском или Галиции), и существенного влияния прусский подход к интеграции (частичное выселение местного населения из новоприобретенных территорий с последующей ассимиляцией оставшихся) на последующий выбор пути развития Польши не оказал.

Первая мировая война завершилась новым переформатированием геополитического пространства и, вследствие распада империй, возникновением множества новых, сильно различающихся по уровню социально-политического развития независимых государств, образовавших «пояс» между Германией и Россией. Среди них Польша оказалась одной из крупнейших и наиболее экономически развитых стран. Встал вопрос о путях ее развития, месте и роли в новой Европе.

Ю. Пилсудский предложил свое видение будущего польского государства на основе «реконструкции» польско-литовской федерации в границах Речи Посполитой накануне ее разделов, что предполагало укрепление рыночных институтов в институциональной матрице. Возрожденное государство рассматривалось как сила, способная противостоять как Востоку (России), так и Западу (Германии). При этом в качестве главной угрозы Ю. Пилсудский рассматривал Россию (позже – СССР), подчеркивая, памятуя историческое прошлое, геополитическое значение Польши («главные задачи Польши лежат на Востоке, так как здесь Польша может стать влиятельным игроком» [16]) и ее цивилизационную миссию как форпоста западного мира.

Данный проект Ю. Пилсудского, широко апеллировавший к историческому опыту унии ВКЛ и Польши, получил наименование ягеллонского.

Несмотря на внешнюю привлекательность и определенный романтизм восстановления Речи Посполитой в прежних границах, сразу после придания ягеллонского проекта гласности вскрылись заложенные в нем существенные внутренние противоречия.

В частности, долгие годы раздела Украины и вхождения одной ее части в состав Российской, а другой – Австро-Венгерской империй изменили эти земли. Первая часть стала объектом трансплантации российских институтов: характерной для России системы управления, политической культуры, укрепления позиций православия. Вторая часть получила в наследство имплантированные рыночные институты: свободу вероисповедания и сильное национальное движение. Поэтому первоочередной задачей здесь являлось нелегкое национальное строительство на основе слияния социумов с различными доминирующими институтами, но объединяемых одинаковым видением будущего Украины как суверенного государства. При этом, памятуя опыт неудачных институциональных трансплантаций и колонизации украинских земель в Речи Посполитой, создавать федеративное государство с Польшей здесь не торопились [17].

С другой стороны, на главенствующую роль Польши в будущем национальном строительстве (что было неизбежно при образовании федерации с ней) не были согласны ни литовские, ни белорусские политические элиты. Литовские националисты ратовали за возрождение монархии и автономии Литвы, Латвии и Беларуси рамках единого государства – Великой Литвы, в то время как представители белорусского довольно слабого национального движения видели Беларусь как часть федерации Беларуси и Литвы, причем из такой федерации они исключали «польский элемент» с целью недопущения асимметрии при федерализации и, как следствие, колонизации [17]. Таким образом, попытка Ю. Пилсудского пересмотреть геополитическое устройство Восточной Европы путем восстановления Речи Посполитой в прежних ее границах и амбициях была изначально трудноосуществима.

Другой взгляд на будущее страны – реконструкцию унитарного польского государства, предполагавшую укрепление редиистрибутивных институтов в институциональной матрице, – предложил главный идеолог польского национализма Р. Дмовский. При этом новое государство должно охватывать как этнически польскую территорию, так и другие земли, где поляки не составляли большинство, но, по его мнению, играли главенствующую роль в культурном, цивилизационном отношении. До XX в. Р. Дмовский считал главным внешним врагом Россию. Однако уже в 1908 г. в работе «Германия, Россия и польский вопрос» Р. Дмовский заявил о том, что главная угроза для поляков исходит со стороны немцев. Более того, он отмечал существование непреодолимого славяно-германского конфликта, вследствие чего необходим союз между польским и российским государствами для противостояния немецкой экспансии. Вместе с тем, Р. Дмовский не отрицал опасность России, заявляя,

что Германия угрожала «ядру этнически польских земель», а Россия «угрожала только окраинам» [18].

Р. Дмовский создал «инкорпорационную» модель польской государственности (период вхождения польских земель в Российскую империю, при котором имело место укрепление здесь редиистрибутивных институтов, не прошел бесследно). Признавая, что восстановить польское государство в границах 1772 г. невозможно, он предлагал провести восточную границу Польши по линии второго раздела Польши 1793 г., чтобы страна была способна противостоять Германии. Впоследствии эта идея получила название «линии Дмовского» [19].

Поскольку в польском языке фамилия первой королевской династии Пясты стала именем нарицательным для поляков вообще, за проектом Р. Дмовского закрепилось название «пястовский».

Следует отметить, что две концепции будущего польского государства, несмотря на их видимое противоречие, имели в основе одинаковые идеи: 1) сохранившийся со времен Речи Посполитой социокультурный код – убежденность в величии Польши и ее цивилизационной миссии [18]; 2) положение о том, что в силу последней Польша не должна быть ограничена территориями, где этнические поляки составляют большинство, т. е. отношение к землям восточнее этнической Польши как к фронтиру.

Ягеллонский и пястовский проекты по своей сути были аналогичны великогерманскому и малогерманскому пути, с выбором между которыми столкнулась Германия в середине XIX в. Как и относительно великогерманского проекта, по поводу проекта ягеллонского имелось одно важное, неотвратимое сомнение: включение в одно государство народов, различающихся по экономическим, политическим и социокультурным институтам, несет имманентный элемент нестабильности и заранее намечает тренд на дезинтеграцию. Реализация подобного проекта после первой мировой войны была тем опасней, что одним из основополагающих принципов будущего мироустройства на Парижской мирной конференции было провозглашено самоопределение народов, что не могло остаться незамеченным национальными движениями в Восточной Европе.

Памятуя о том, что великогерманский путь был безоговорочно отвергнут немцами на Франкфуртском национальном собрании 1848 г., лидеры возрождающегося польского государства постепенно ограничили свои амбиции: Ю. Пилсудский отказался от еще более нереалистичной идеи Междуморья, куда бы, наряду в Польшей, вошли и другие территории, когда-то управляемые Ягеллонами, например, Чехословакия и Венгрия; Р. Дмовский сдвинул свою пресловутую линию на запад, поближе к предлагаемой Антантой «линии Керзона».

Однако неожиданные военные успехи Польши внесли свои коррективы. После «чуда над Вислой» в июле 1920 г. войска Пилсудского, практически не встречая сопротивления со стороны обессиленной Красной Армии, смогли продвинуться далеко за границы этнического расселения

поляков. В итоге соблазн оказался слишком велик, и по Рижскому миру 1921 г. Польша присоединила территории Западной Украины и Западной Беларуси (часть из того, что хотел Ю. Пилсудский). В качестве компромисса и (как казалась) для минимизации дестабилизирующих факторов, внутреннее устройство Второй Речи Посполитой основывалось на доминировании польскости, в том числе и в системе образования, и лишении национальных меньшинств каких-либо особых прав, как изначально предлагал Р. Дмовский.

Подобная модель, как скоро выяснилось, оказалась глубоко ущербной. Последующие попытки институционально гомогенизировать этнокультурное пространство новой республики путем репрессивных, авторитарных мер, применяемых в рамках режима «санации», лишь усилили раскол между поляками, белорусами и украинцами и, в числе прочего, привели через 20 лет к ужасающим военным преступлениям (Волынская резня поляков украинскими националистами, геноцид белорусов отрядами Ромуальда Райса).

Выбор пути развития польского государства был определен как экзогенными факторами (сегментированностью Восточной Европы, началом государственного строительства при незавершенности реформирования геополитического пространства и, как следствие, конфликтностью региона), так и эндогенными (слиянием в единое социумов с различным уровнем и характером трансформации институциональных матриц, силами национализма и самоопределения, препятствующими интеграции).

В заключение отметим, что опыт выбора пути Второй Речью Посполитой свидетельствует о сильных дивергентных тенденциях осколков распавшегося социума на первых стадиях после его коллапса, когда силы национализма и самоопределения оказываются сильнее соображений безопасности, заставляющих вступать в союз с сильным государством. Причем уровень развития этих сил зависит от интеграционной стратегии до распада.

Список использованных источников

1. *Milliken, J.* State Failure, State Collapse, and State Reconstruction: Concepts, Lessons and Strategies / J. Milliken, K. Krause // *Development and Change*. – 2002. – V. 33. – № 5. – P. 753–774.
2. *Yannis, A.* Development and Change State Collapse and its Implications for Peace-Building and Reconstruction / A. Yannis // *Development and Change*. – 2002. – V. 33. – № 5. – P. 817–835.
3. *Doornbos, M.* Of State Collapse and Fresh Starts: Some Critical Reflections / M. Doornbos // *Global Forces and State Restructuring*. International Political Economy Series. – London: Palgrave Macmillan, 2006. – P. 93–118.
4. *Zartman, I. W.* The State of Collapse / I. W. Zartman // I. W. Zartman: A Pioneer in Conflict Management and Area Studies. – Springer, 2019. – P. 239–255.
5. *Lemarchand, R.* The state and society in Africa: Ethnic stratification and re-stratification in historical and comparative perspective / R. Lemarchand // *State versus ethnic claims: African policy dilemmas*. – Routledge, 2019. – P. 44–66.

6. *Róžański, P.* The New York Times Response to Soviet Aggression in Poland in September 1939/ *P. Róžański//Polish American Studies.* – 2011. – V. 68. – № 1. – P. 19–41.
7. *Парсонс, Т.* Система координат действия и общая теория систем действия. Функциональная теория изменения. Понятие общества / Т. Парсонс // Американская социологическая мысль. – М.: Изд. Международного ун-та бизнеса и управления, 1996. – С. 462–525.
8. *Кирдина, С. Г.* Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y теорию / С. Г. Кирдина. – СПб: Нестор История, 2014. – 468 с.
9. *Дюркгейм, Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм. – М.: Канон, 1995. – 352 с.
10. *Бауман, З.* Текущая современность / З. Бауман. – СПб: Питер, 2008. – 240 с.
11. *Гильфердинг, А. Ф.* Россия и славянство / А. Ф. Гильфердинг. – М.: Институт русской цивилизации, 2009. – 491 с.
12. *Баряхвостов, П. А.* Институциональные особенности интеграции земель Речи Посполитой в состав Российской и Австрийской империй / П. А. Баряхвостов // Вестник МГИМО-Университета. – 2021. – Т. 14. – № 4. – С. 51–69.
13. *Баряхвостов, П. А.* Великое княжество Литовское: опыт институциональных трансплантаций / П. А. Баряхвостов // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2020. – Т. 65. – № 4. – С. 424–431.
14. *Wittfogel, K.* Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power / K. Wittfogel. – USA: Yale Univ., 1957. – 566 p.
15. *Баряхвостов, П. А.* Западные территории в Российской империи: модели присоединения / П. А. Баряхвостов // Восток-Запад. История и современность. Ежегодник. – Благовещенск, 2021. – Т. 1. – С. 103–111.
16. *Czechowska, L.* Refleksy myśli politycznej Józefa Piłsudskiego oraz Romana Dmowskiego w powojennych koncepcjach polskiej polityki wschodniej/ L. Czechwska// Epigoństwo czy twórczość ciągłość? Ideowe dziedzictwo głównych nurtów politycznych Drugiej Rzeczpospolitej w refleksji politycznej po zakończeniu II wojny światowej. – 2011. – S. 194–213.
17. *Korolev, G.* Between Intermarium and Eastern Switzerland: Belarusian and Ukrainian Federative Projects, “Imperializing Nations”, and the Making of National Territories (1914–1920) / G. Korolev // Acta Slavica Iaponica. – 2021. – Т. 42. – P. 23–36.
18. *Prizel, I.* National Identity and Foreign Policy. Nationalism and Leadership in Poland, Russia and Ukraine/ I. Prizel. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1998. – 447 p.
19. *Зеленский, М. В.* Роман Дмовский как идеолог и теоретик польского национализма/ М. В. Зеленский // Young Scientist. – 2014. – № 1(03). – С. 35–38.

(Дата подачи: 18.02.2023 г.)